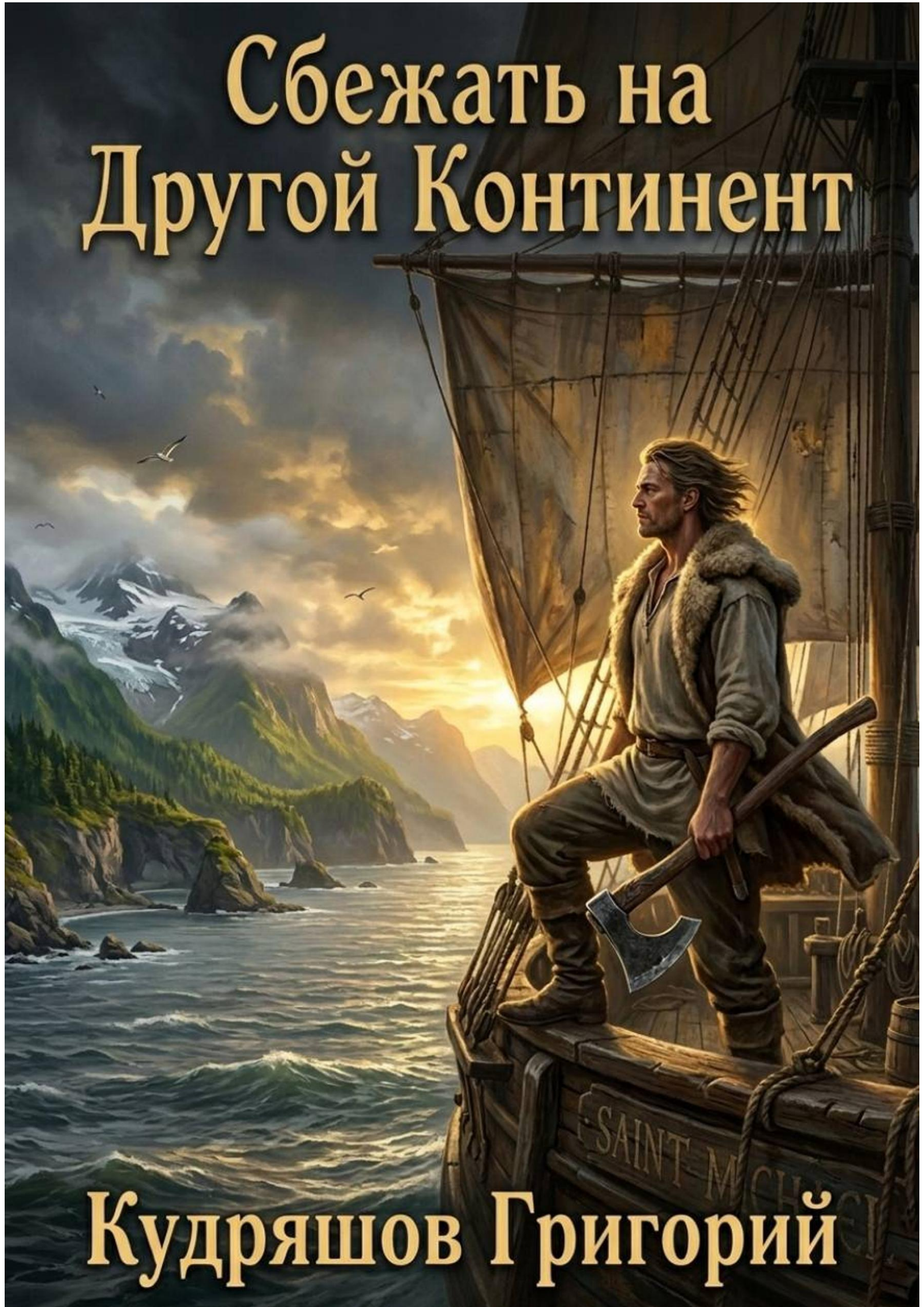

Сбежать на Другой Континент

Кудряшов Григорий

Григорий Кудряшов

Сбежать на Другой Континент

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Сбежать на Другой Континент / Г. Д. Кудряшов — «Автор»,
2026

Россия, 1801 год. Двадцатипятилетний плотник Антип, вольный хлебопашец, бежит от угрозы крепостной неволи на край света — в Русскую Америку, где, как он верит, можно начать жизнь без помещиков и цепей. Но суровая реальность Аляски оказывается жестче, чем он предполагал. Вместо свободы его ждут жестокие испытания, потеря всего, что он строил, и встреча с теми, кого он считал врагами, — встреча, которая перевернёт все его представления о жизни. Чтобы выжить и обрести настоящую волю, Антипу придётся не только бороться с внешними силами, но и пересмотреть свои взгляды, найти в себе силы прощать и доверять — иначе он навсегда останется пленником своего прошлого.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Сбежать на Другой Континент

Сбежать на другой континент

Глава 1. Вольная дорога

Россия, 1801 год

Весна в том году выдалась ранняя, злая. Снег сошёл за неделю, обнажив чёрную, набухшую землю, и река вздулась, понесла по течению остатки льда, брёвна, трупы павших за зиму лошадей. Вода пахла гнилью и холодом.

Антип стоял на берегу, широко расставив ноги в обмотках, и смотрел, как тяжёлые сосновые хлысты, связанные в плоты, уходят вниз по течению — туда, где лесопилка ревела, как голодный зверь. Ему было двадцать пять. Плечи — косая сажень, ладони — в задубевшей коже, на скулах — вечная тень от недоедания, в глазах — то, чего не было у других: упрямство, доходившее до безумия.

— Эй, Антип! Чего встал? Погоняй! — крикнул десятник с плота.

Он не ответил. Взял багор, подцепил бревно, развернул его против течения. Мышцы под холщовой рубахой напряглись, жилы на шее вздулись. Бревно подчинилось.

Вокруг работали мужики — такие же, как он: вольные, безземельные, нанятые за гроши на сезон. Они знали, что к осени получат расчёт, но что делать дальше — никто не знал. Земли, на которых они родились, уже не были их. Помещики, пользуясь смутой после смерти Павла, двигали межи, выжигали деревни, приписывали вольных к себе. Антип слушал эти рассказы ночами у костра, и каждый раз в нём поднималась глухая, тёмная ярость.

Он не боялся работы. Не боялся голода, холода, смерти в лесу. Он боялся одного — проснуться утром и узнать, что он больше себе не хозяин. Что его можно продать, как скотину. Что его детей, если они будут, можно будет выпороть на конюшне. Что он станет живым мертвецом, у которого отняли волю.

Эта мысль грызла его изнутри уже третий год. С тех пор, как он ушёл из родной деревни, где его отца, вольного хлебопашца, за долги взяли в кабалу. Отец сгорел за год. Антип тогда был шестнадцатилетним парнем, и он поклялся, что с ним этого не случится.

Сегодня вечером у костра один из мужиков, седой и кривой, бывший солдат, сказал, понизив голос:

— Слыхал, в Иркутске вербуют. В Америку, на край света. Компания Российская, американская называется. Дают жалование, одежду, билет до Охотска. Там, говорят, земли свободные, пушнины — как грязи. И главное — там нет помещиков. Каждый сам себе голова.

— Врёшь, — сплюнул кто-то.

— Богом клянусь. Сам видел бумагу в кабаке. Семь лет отработаешь — и вольный, с деньгами. А то и раньше разбогатеешь.

Антип лежал на земле, подложив под голову тулуп, и смотрел в небо. Звёзды были крупными, близкими. Где-то там, за краем земли, лежала та самая Америка. Он не знал, что это такое. Знал только, что это далеко. И что туда не дотянутся руки помещиков.

«Воля, — подумал он. — Воля не в том, чтобы ничего не делать. Воля в том, чтобы никто не смел тебя заставить».

Он перевернулся на бок, закрыл глаза и впервые за долгое время уснул без снов.

Прошло три дня.

Антип получил расчёт. В кармане лежало три рубля серебром — всё, что скопил за сезон. Он стоял на перекрёстке: направо — Иркутск, пятьсот вёрст по тракту; налево — родная губерния, где его ждали, возможно, уже выписанные бумаги о его закреплении.

Он не колебался.

Свернул на тракт и зашагал на восток.

Месяц пути.

Он шёл один. Ночью спал в стогах, днём питался чем придётся — краюхой хлеба, вяленой рыбой, ягодами. Башмаки стоптались, но он перематывал ноги тряпками и шёл дальше. Один раз его подобрал купеческий обоз, другой раз — гнали гуртом каторжных, и он шёл рядом, не ввязываясь, слушая их надрывные песни.

На пятый день пути, когда впереди уже показались колокольни Иркутска, его догнала весть: умер государь Павел. Новый царь, Александр, обещал вольности. Народ взбудоражился. В трактирах кричали, что теперь всех отпустят, что крепостное право вот-вот рухнет.

Антип не верил. Он видел, как в деревнях те же помещики, что при старом царе, продолжали драть с крестьян последнее. Он понимал: свободу не дарят, её берут.

И он шёл брать её — туда, где, как ему казалось, она лежала бесхозной.

Глава 2. Вербовка в Иркутске

Дорога до Иркутска заняла без малого три недели. Антип шёл пешком, прибываясь то к обозам, то к артелям бродячих плотников. Он редко заговаривал первым, но если спрашивали — отвечал коротко и по делу. В попутчиках не искал ни друзей, ни врагов. Он вообще не верил людям, особенно тем, кто улыбался слишком широко. Улыбка, по его разумению, была лишь способом показать зубы перед тем, как укусить.

Иркутск встретил его мокрым снегом и ветром с Ангары. Город был большой, шумный, пропитанный запахом смолы, рыбы и казённых чернил. По улицам сновали купцы в длинных кафтанах, ссыльные в серых армяках, солдаты гарнизона, мастеровые, чиновники. Все куда-то торопились, кричали, торговались.

Антип нашёл ночлег на постоялом дворе возле речной пристани — за три копейки ему дали угол с соломой и миску горячей каши. Он съел кашу, запил кипятком и лёг, не раздеваясь. Сон был чуткий, как у зверя: каждые полчаса он просыпался от лая собак или пьяных криков за стеной.

Утром он поднялся затемно, умылся из бочки с ледяной водой и, достав из котомки чистую рубаху, переоделся. Ему нужно было произвести впечатление на людей из компании. Он знал: голодранца не возьмут, а вот крепкого плотника, который умеет держать топор, — возьмут с радостью.

Контора Российско-Американской компании располагалась на Большой улице, в двухэтажном каменном доме с вывеской, выцветшей настолько, что буквы читались с трудом. У входа толпился народ: мужики в тулупах, бабы с узлами, старики, мальчишки-подростки. Все ждали вербовки.

Антип протиснулся внутрь. В большой комнате пахло табаком, воском и сукном. За длинным столом сидели трое писарей. Перед каждым — стопка бумаг, гусиные перья, чернильницы. На стенах висели карты, каких Антип никогда не видел: очертания берегов, острова, надписи на незнакомом языке.

— Следующий! — крикнул толстый писец с красным лицом.

Очередь продвинулась. Антип встал перед столом.

— Имя? — спросил писец, не поднимая головы.

— Антип.

— Возраст?

— Двадцать пять.

— Ремесло?

— Плотник. Могу рубить углы, ставить срубы, ладить бочки, лодки. Топором владею с детства.

Писец впервые поднял глаза. Оглядел Антипа: широкие плечи, жилистые руки, спокойный, твёрдый взгляд.

— Плотник — это хорошо, — он кивнул. — В Америке плотники на вес золота. Жалование — тридцать рублей в год. Кормёжка казённая. Одежда — казённая. Через семь лет — вольный расчёт и земля. Согласен?

— Согласен.

Писец пододвинул бумагу.

— Это обязательство. Подпиши. Или крест поставь, если неграмотный.

Антип взял перо, неловко обмакнул в чернила и вывел крест в указанном месте. Рука не дрожала. Он знал, на что идёт. Знал, что семь лет — это долго. Но это был его выбор. Никто не принуждал.

— Теперь ступай во двор, получишь казённый тулуп и билет до Охотска. Завтра отправление. Даст Бог, доберёшься.

Антип кивнул и вышел.

Во дворе толпились такие же завербованные. Они получали серые тулупы, пару грубых сапог, по три пары портянок, мешок сухарей и кусок солонины. Антип взял своё, отошёл в сторону и присел на бревно.

Рядом оказался парень — невысокий, но коренастый, с весёлыми, чуть наглыми глазами и щербатым ртом. Когда он улыбнулся, стало видно, что передние зубы у него тёмные, подгнившие, словно он жевал кору.

— Ты тоже в Америку? — спросил он, протягивая руку. — Егор Прокофьев. Из-под Тобольска.

— Антип, — он пожал ладонь. Она оказалась сухой и горячеей.

— Вот и познакомились. — Егор уселся рядом, расстегнул тулуп. — Слышь, а правду говорят, что там пушнины — как грязи? Что каланов этих самых можно прямо руками ловить?

— Не знаю. Я не за пушниной еду.

— А зачем тогда? — Егор хитро прищурился.

— За волей.

Егор хмыкнул, пожевал губами.

— Ну, воля — оно, конечно, хорошо. Только я, брат, за деньгами еду. Отработаю семь лет — и разбогатею. А как разбогатею, вернусь в Россию, куплю домик, женюсь на знатной. Может, и в чиновники выбьюсь.

Антип усмехнулся краем губ.

— Знатные за бывших работных не идут.

— Это за кого ж они идут? — Егор несколько не смутился. — За деньги-то пойдут. Деньги всё решают.

Антип не стал спорить. Он смотрел, как по небу плывут низкие, тяжёлые облака. Где-то там, за горизонтом, лежала земля, о которой он ничего не знал, но которая уже стала его единственной надеждой.

— Ну, пошли, что ли, вещи получать? — Егор поднялся. — А то завтра в дорогу, а у меня ещё сапоги дырявые.

Они вышли за ворота конторы. Антип шагал спокойно, Егор семенил рядом и болтал без умолку. Так, в паре, они и начали путь, который должен был привести их на край света.

Глава 3. Трофейный галеон «Святой Михаил»

До Охотска добирались без малого четыре месяца. Сначала плыли на барже по Лене, потом шли пешком через горы, переваливали через хребты, мокли под дождями, мёрзли на перевалах. Антип не роптал. Он привык к трудностям, воспринимал их как проверку: выдержишь — станешь сильнее, не выдержишь — подохнешь, и дело с концом. Егор поначалу ныл, матерился, клял и компанию, и царя, и собственную дурную голову, но к третьему месяцу попритих, втянулся.

Когда они наконец вышли к Охотску, перед ними открылось серое, вечно штормящее море. Ветер нёс солёные брызги, пахло рыбой и гниющими водорослями. На рейде покачивались корабли: купеческие шхуны, рыбацкие баркасы и одно судно, которое выделялось среди всех — тёмное, обшарпанное, с высокими бортами и странной, непривычной глазу оснасткой.

— Это что за корыто? — спросил Егор, шурясь.

— «Святой Михаил», — отозвался капитан-надзиратель порта, пожилой моряк с лицом, иссечённым ветром. — Трофейный галеон. В прошлом году у американцев купили. Они его со дна подняли, починили как могли. Теперь вот вам, работным, на нём идти до Америки.

Антип смотрел на судно. Галеон был старый, но крепкий. На носу красовалась деревянная фигура русалки — облезлая, без одной руки, с треснувшим лицом. Вода у борта казалась чёрной, и от этого русалка выглядела так, будто звала за собой в пучину.

— Красавица, — хмыкнул Егор. — Прямо как моя будущая жена. Только руки не хватает.

Антип не ответил. Ему было не до шуток. Он понимал: впереди — океан, а этот галеон может стать их общей могилой.

Погрузка заняла неделю. В трюм таскали бочки с солониной, мешки с сухарями, ящики с ядрами, связки железных топоров для мены с туземцами, тюки табака, бисер, котлы. Капитан Матвей Журавлёв — седой помор лет шестидесяти, с обветренным, тёмным от загара лицом — сам руководил укладкой. Голос у него был глухой, как из бочки, но приказы он отдавал чётко.

— Каждый бочонок — на своё место! Вода — в корму, порох — в середину! Не дай Бог, волна ударит — чтоб ничего не перекатилось!

Антип работал наравне со всеми, но приглядывался. Он быстро запомнил, где что лежит, как крепятся грузы, какие узлы вяжут матросы. Егор, напротив, больше суетился, чем делал, за что получил подзатыльник от боцмана.

— Шевелись, щербатый! На корабле лишних ртов не бывает!

Через три дня после прибытия, когда трюм был забит до отказа, капитан Журавлёв собрал всех на палубе.

— Слушай мою команду! — рявкнул он, оглядев людей. — Завтра утром снимаемся. Путь нам предстоит долгий: Охотск — Курилы — Ситка. Четыре, а то и пять месяцев. Впереди шторма, туманы, льды. Кто боится — сходи на берег сейчас, пока не поздно. Но предупреждаю: другой оказии не будет.

Никто не сошёл. Даже Егор, хотя лицо его побледнело.

Ночью Антип не спал. Он лежал в кубрике, среди храпящих мужиков, и слушал, как скрипит корпус галеона. Ему казалось, что корабль стонет, жалуясь на свою судьбу. Русалка на носу молчала, но в темноте её силуэт был похож на женщину, которая ждёт.

Утром подняли якорь. Паруса, серые от старости, наполнились ветром. Галеон, кряхтя, как старик, вышел из бухты и лёг на курс к юго-востоку. Охотск растворился в дымке.

Антип стоял на корме и смотрел, как удаляется земля. Он не знал, увидит ли её снова. Но даже если и нет — он шёл туда, где, как он верил, его ждала воля.

— Ну что, Антип, — подошёл Егор, натягивая тулуп. — Вот и всё. Обратной дороги нет.

— Обратной дороги никогда и не было, — ответил Антип, не оборачиваясь.

Паруса скрипели. Волны били в борт. Галеон уходил всё дальше — в открытое море, где не было ни прошлого, ни помещиков, ни цепей. Только ветер, вода и небо.

Глава 4. Шторм у Курил

Прошло два месяца с тех пор, как «Святой Михаил» вышел из Охотска.

Океан здесь был другим, нежели то, что Антип видел у берегов. Там, у Охотска, море было серым, мелким, прибитым к земле. Здесь же, в открытом просторе, оно простиралось до самого края неба, и край этот был не линией, а дрожащим маревом, где вода сливалась с воздухом. Цвет его менялся каждую минуту: от свинцово-чёрного в шторм до аквамаринowego, почти прозрачного в штиль, когда можно было видеть, как в глубине, на десять саженей вниз, проносятся тени рыб — огромных, серебристых, похожих на призраков. Волны здесь были не просто волнами — они жили своей жизнью: длинные, плавные, они поднимались медленно, как будто океан вздыхал, и так же медленно опадали, оставляя за кормой пенную дорожку, которая таяла через минуту, словно её и не было. Иногда, в полдень, когда солнце стояло в зените, поверхность становилась маслянисто-гладкой, и в ней отражались облака — белые, пушистые, плывущие так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой. А ночью океан превращался в чёрное зеркало, в котором дрожали звёзды, и они, эти звёзды, умножались в каждой капле, в каждой пене, так что казалось, будто корабль плывёт по Млечному пути. Но было в этой красоте что-то пугающее: полная, абсолютная пустота вокруг, ни острова, ни птицы, ни дыма на горизонте. Только вода, небо и ветер, который гудел в снастях, как голос самого времени. Антип стоял на баке, вглядываясь в эту бесконечность, и чувствовал, как его собственная жизнь, его страхи, его мечты становятся крошечными, как песчинки, в сравнении с этим миром. Но он не боялся. Он чувствовал, что океан его испытывает — и он принимает этот вызов.

Сначала шли вдоль Курильских островов, держась подальше от берегов, чтобы не напороться на рифы. Погода стояла сносная: серое небо, короткие дожди, пронизывающий ветер, но без особых бед. Команда понемногу привыкала к качке, к тесноте, к грубой еде.

Антип работал с утра до ночи. Капитан Журавлёв быстро разглядел в нём не просто плотника, а человека с руками, которые умеют всё. Он поручал ему то заделать щель в палубе, то починить рундук, то подогнать крышку люка. Антип делал работу молча, тщательно, без суеты.

Егор, напротив, маялся. Он не был приучен к морю, страдал от качки, похудел, осунулся. Его весёлость поутихла, но не пропала совсем — он всё ещё иногда травил байки и пытался задирать матросов, хотя те отвечали ему зуботычинами. Антип держался рядом, но не вмешивался. Каждый выживает как умеет.

К исходу второго месяца плавания в трюме стало попахивать. Бочки с водой, разошедшиеся в дороге, начали течь. Пресная вода уходила, а солёная морская — прибывала отовсюду: через пазы в бортах, через плохо заделанные люки. Люди пили всё меньше, лица осунулись, дёсны начали кровоточить — первые признаки цинги.

Капитан хмурился, собирал команду на палубе.

— Еды хватает, но вода — на исходе. Бочки текут, как решето. Нужно чинить. Плотник!

Антип выступил вперёд.

— Сможешь заделать?

— Постараюсь, — ответил он.

Два дня он провёл в трюме, затыкая щели паклей, пропитанной смолой, подбивая обручи, заделывая трещины деревянными клиньями. Смолу приходилось греть на палубе, что было опасно при качке. Однажды волна накрыла борт, и Антип едва не свалился за фальшборт, но уцепился за канат. Ладони содрал до мяса, но работу продолжил.

Егор помогал ему: подавал инструмент, держал бочку, разогревал смолу. Он уже не шутил, только скрипел зубами.

— Терпи, — сказал Антип, перевязывая ему руку, порезанную о край бочки. — До земли доберёмся — там отлежишься.

— Если доберёмся, — Егор криво усмехнулся, показывая тёмные от цинги дёсны. — Я вот думаю: за что мне это, а?

— За то, что хотел разбогатеть, — Антип усмехнулся уголком рта.

Егор хотел ответить, но тут корабль сильно качнуло, и оба прижались к переборке.

Шторм начался внезапно, как это бывает в северных морях. Небо затянуло чёрным, ветер завыл, как голодный зверь. Волны пошли стеной, подбрасывая галеон, как щепку. Паруса успели убрать частично, но несколько полотнищ сорвало ветром и унесло в море.

Капитан Журавлёв стоял на шканцах, вцепившись в поручень, и орал команды. Матросы ползали по палубе, привязанные линиями, чтобы их не смыло. Антипа и Егора тоже выгнали наверх — помогать.

— Держись за канат! — крикнул Антип, перекрывая шум ветра.

Но Егор не успел. Волна, огромная, как гора, обрушилась на палубу, смыла всё незакреплённое и утащила Егора за борт.

Антип увидел, как его друг исчезает в пене. Не раздумывая, он схватил бросательный конец, обмотал вокруг пояса и прыгнул в ледяную воду.

Холод обжёг, перехватил дыхание. Антип вынырнул, отплёвываясь, и огляделся. Егор барахтался в нескольких саженях, судорожно цепляясь за обломок рея. Волны швыряли их, как тряпки.

— Держись! — заорал Антип, поплыв к нему.

Вода была чёрной и плотной, как смола. Каждый гребок давался с трудом, но Антип не останавливался. Он добрался до Егора, схватил его за шиворот, потянул к борту.

На палубе их заметили. Матросы тянули конец. Антип обмотал верёвкой Егора, и того вытащили, как мешок с рыбой. Затем вытащили и самого Антипа.

Он лежал на палубе, кашляя солёной водой, дрожа от холода. Егор рядом хрипел, но был жив. Глаза его, круглые от ужаса, смотрели в небо.

— Живой? — спросил Антип, с трудом ворочая языком.

— Живой... — прохрипел Егор. — Спасибо, брат.

Капитан подошёл, оглядел обоих, коротко кивнул:

— Молодец, плотник. Крепкий ты мужик.

Антип ничего не ответил. Он смотрел, как волны продолжают швырять корабль, и думал: «Море не щадит никого. Но и я не сдамся».

Шторм бушевал ещё сутки. Потом ветер стих, и «Святой Михаил», потрёпанный, с порванными парусами и текущими швами, продолжил путь. Люди выдохнули. Некоторые молились. Антип с Егором, обмотанные сухим тряпьем, сидели в кубрике, прижавшись друг к другу, и молчали. Сказать было и нечего.

Цинга не отступила, но пресная вода после починки бочек стала течь меньше. Капитан велел выдавать каждому по кружке отвара из еловой коры и глотать квашеную капусту, если у кого осталась. Антип пил горький отвар, морщился, но пил. Егор давился, но тоже глотал. Они хотели жить.

Прошёл ещё месяц. Курилы остались позади, потянулись пустынные воды. И вот однажды утром вперёдсмотрящий закричал:

— Земля! Земля на горизонте!

Все высыпали на палубу. Впереди, в разрывах тумана, показались высокие берега, покрытые густым тёмно-зелёным лесом. Горы уходили в небо, увенчанные белыми шапками. Вода в заливе была спокойной, почти зеркальной.

— Ситка, — выдохнул капитан Журавлёв, и в голосе его Антип услышал облегчение. — Дошли.

Антип стоял у борта, вцепившись в планшир, и смотрел на землю. Вот она, та самая Америка, о которой он грезил. Земля, где, как ему обещали, не было помещиков. Где каждый сам себе хозяин.

— Ну вот, — тихо сказал он, ни к кому не обращаясь. — Началось.

Глава 5. Земля обетованная

Залив Ситка встретил их тишиной. После многомесячного шторма и воя ветра эта тишина казалась оглушительной. Галеон скользил по гладкой воде, оставляя за кормой длинный пенный след.

Вода в заливе была не просто спокойной — она была стеклянной, тягучей, как растопленный воск, и в ней, вверх ногами, отражались горы. Они поднимались прямо из моря — исполинские, синие внизу и белоснежные на вершинах, с прожилками ледников, которые сползали к воде, точно застывшие реки. Между ними, в распадках, висели клочья тумана — молочные, плотные, словно кто-то разодрал ватное одеяло и бросил лохмотья на склоны. Берег был изрезан фьордами, и в каждом из них чернела вода, глубокая, как бездна. Воздух здесь пах иначе, чем в Охотске: в нём не было прели и гнили, а только хвоя, мокрый камень и что-то неуловимо сладкое — то ли цветы, то ли смола кедров. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался громким. Но это была не мёртвая тишина — она дышала. Где-то в лесу стукнул дятел, сухо, как выстрел. Взметнулась стая птиц, и их крики прокатились над водой, затихая в ущельях. Антип вцепился в планшир и втянул носом этот воздух — холодный, чистый, чужой. И вдруг понял: он ступит на эту землю, и она либо убьёт его, либо сделает своим. Третьего не дано.

Вокруг вздымались горы, покрытые вековыми елями, кедрами, тсугами. Лес подступал к самой воде, тёмный, непроходимый, полный жизни и опасности. Сверху доносились крики птиц, которых Антип никогда не слышал.

— Глянь, — Егор толкнул его локтем, показывая на берег. — Какие-то люди.

Антип пригляделся. На каменистой полосе у кромки воды стояли несколько человек в меховых одеждах. Они смотрели на корабль без страха, но и без радости. Лица их были раскрашены, в руках — копья с костяными наконечниками.

— Тлинкиты, — пояснил один из матросов, бывавший в этих краях. — Индейцы здешние. Народ гордый, воинственный. С ними лучше не ссориться.

Антип запомнил.

Капитан приказал встать на якорь в некотором отдалении от берега. На воду спустили шлюпки. Команда начала выгрузку. Антип впервые за долгое время ступил на твёрдую землю, и колени его едва не подогнулись — тело отвыкло от устойчивости.

Русский форт оказался в трёх верстах от места высадки, у входа в узкую бухту. К нему вела тропа, прорубленная в лесу. Антип шёл, оглядываясь. Вокруг росли деревья, каждое — в два-три обхвата, с толстой, в палец, корой. Под ногами пружинил мох, пахло прелью и смолой. Солнце с трудом пробивалось сквозь густые кроны.

— Красиво, — сказал Егор, шагая рядом. — Только жутко как-то. Лес-то какой — ни конца ни краю.

— Зато деревья — залюбуешься, — ответил Антип. — Строить из такого — одно удовольствие.

Через час они вышли к форту. Это было небольшое поселение, обнесённое частоколом из заострённых брёвен. Внутри — несколько рубленых домов, пороховой погреб, казарма, часовня. Над частоколом висел русский флаг, потрёпанный ветром.

У ворот их встретил человек в военном мундире, высокий, сухой, с седыми висками и жёстким взглядом. Он стоял, уперев руки в бока, и смотрел на прибывших, как на пустое место.

— Комендант форта, капитан Иван Львович Кошелев, — отрекомендовался он без всякой приветливости. — Вы, стало быть, пополнение? Сколько вас?

— Двадцать три работных, — доложил капитан Журавлёв. — Плотники, охотники, пахарь один есть.

— Плотники? — Кошелев оглядел стоявших. — Кто из вас плотник старший?

Антип шагнул вперёд.

— Я.

Кошелев смерил его оценивающим взглядом.

— Как звать?

— Антип Семёнов.

— Ремесло знаешь?

— С детства.

— Посмотрим. Людей разместить. Работы много. Форт расширять надо, — он развернулся и пошёл внутрь, бросив через плечо: — Плотнику и тем, кто с ним, — в казарму. Остальные — по местам.

Антип повернулся, чтобы идти, но тут взгляд его упал на крыльцо комендантского дома. Там стояла девушка.

Ей было лет девятнадцать. Светлые волосы заплетены в косу, переброшенную через плечо. Платье простое, но чистое, с белым передником. Лицо тонкое, с острыми скулами и голубыми глазами, смотревшими на прибывших с любопытством и тревогой.

Егор, стоявший рядом с Антипом, замер. Дыхание у него перехватило.

— Кто это? — выдохнул он.

— Дочь коменданта, видать, — отозвался кто-то из новичков.

Егор не сводил с неё глаз. Лицо его, измождённое цингой, вдруг осветилось таким выражением, какого Антип у него ещё не видел.

— Вот это, брат, не то что пушнина, — прошептал Егор. — Вот это — целое состояние.

Антип хмыкнул, но ничего не сказал. Он смотрел на девушку, и в груди его шевельнулось что-то тёмное, похожее на предчувствие. Не к добру, подумал он.

Вечером, когда всех разместили, Антип вышел на берег. Солнце садилось за горы, окрашивая воду в кровавый цвет. Лес молчал. Только где-то вдалеке, в глубине острова, звучали незнакомые звуки — то ли пение, то ли вой зверя.

Он сел на камень, достал из котомки краюху хлеба, отломил половину, сунул в рот. Жёсткая, но есть можно.

Рядом появился Егор.

— Ну что, Антип, вот мы и на месте.

— Да, — ответил тот. — Только это ещё не конец.

— Знаю, — Егор сел рядом, обхватил колени. — Но теперь я точно знаю, ради чего жить. Ради неё.

— Ты с ума сошёл, — Антип покачал головой. — Она — дочь коменданта. Офицерская дочь. А ты — работный, вон, зубов половины нет.

— И что? — Егор упрямо поджал губы. — Я разбогатею. Ты же слышал: пушнины здесь — горы. Я добуду себе состояние, и тогда... тогда посмотрим.

Антип не стал спорить. Он смотрел на звёзды, которые одна за другой загорались в небе, и думал о том, что эта земля, эта «обетованная» Ситка, может оказаться не менее коварной, чем море.

Но отступать было некуда.

Глава 6. Начало стройки

Лето 1802 года выдалось на Ситке сырое, туманное, но тёплое.

Лес здесь был не такой, как в России. Там — берёзы, осины, редкие сосны, свет, простор. Здесь же деревья росли стеной, плотно, плечом к плечу, и их кроны смыкались так высоко, что днём под ними царил зелёный полумрак. Это были великаны-тсуги с шершавой, в палец толщиной корой, и кедры-исполины, в три обхвата, чьи ветви, обломанные ветрами, торчали сучьями, похожими на скрюченные пальцы. Стволы покрывал мох — густой, изумрудный, мягкий, как шерсть, — он свисал бородами, колыхался от малейшего дуновения. Под ногами стелилась хвоя, влажная, пружинистая, и в ней, в прелой глубине, копошилась невидимая жизнь: шелестели жуки, возились землеройки, прорастали грибы, пахнувшие сыростью и землёй. Воздух здесь был густым, как парное молоко, и пах смолой, мхом, диким луком и ещё чем-то терпким, звериным. Когда ветер прорывался сквозь кроны, лес начинал гудеть — низко, протяжно, словно внутри земли бился огромный пульс. И над всем этим, над морем зелени, поднимались горы — голубоватые, с ледяными шапками, которые в лучах солнца горели холодным огнём. Антип, выходя из казармы, каждый раз замирал на миг, вдыхая эту мощь. Он не знал слов, чтобы описать её. Но руки его, касаясь дерева, словно понимали язык этого места.

Утром туман лежал на воде, как молоко, и сквозь него не было видно ни гор, ни леса — только верхушки елей, торчащие, как зубья. К полудню солнце разгоняло дымку, и тогда открывался простор: залив, уходящий к океану, синие хребты с белыми жилами ледников, стены тёмного леса, подступающие к самой воде.

Антип вставал затемно. Он выходил из казармы, умывался ледяной водой из бочки и первым делом обходил стройку. Форт, который они начали возводить, ещё не был крепостью — это был лишь остов: несколько вкопанных столбов, груды брёвен, кучи щепы. Но в голове Антипа он уже стоял во всей мощи: частокол в два человеческих роста, с боевым ходом, с башнями по углам, с крепкими воротами, с пороховым погребом, казармой и домом коменданта.

Ему поручили старшинство над плотницкой артелью. В подчинении у него оказалось семеро мужиков, из которых только трое понимали плотницкое дело, а остальные — бывшие землепашцы, отправленные в Америку за неимением лучшего. Антип с первого дня взял их в оборот: без крика, без ругани, но так, что возразить никто не решался. Он умел показать, объяснить, а если надо — сделать самому. И люди это чувствовали.

Работали от зари до темноты, с коротким перерывом на обед. Валили кедры и ели двуручными пилами, обрубали сучья, снимали кору. Антип выбрал место для частокола сам — на пригорке, откуда просматривался залив. Лес для стройки брали в двух верстах от форта, таскали брёвна волоком на быках, запряжённых попарно. Земля была сырая, ноги вязли, но работа двигалась.

Антип любил эту работу. В ней был смысл, который он понимал: дерево подчинялось рукам, принимало нужную форму, становилось стеной, домом, защитой. Каждое бревно он оглядывал, как отец оглядывает сына: проверял прямизну, сучки, трещины. Лишнее отсекал. Нужное — оставлял.

— Вот смотри, — объяснял он молодому парню по имени Степан, бывшему хлебопашцу, который впервые взял в руки топор. — Бревно не просто так валишь. Его надо класть комлем на север, вершиной на юг. Так оно меньше трещины даёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.